

Вечный город Рим, как известно, покоится на семи холмах.

Пара захолустных общежитий, о которых пойдёт речь, покоится на забытой всеми богами улице Коммунальной, с трёх сторон окружённой промышленными зонами и гаражами. Не одно поколение местных, живущих здесь, никакого внимания не обращает на серость дней и окружающих стен. А та часть населения, что снимает здесь жильё, считает, что съём временный. И относит себя к приезжим, мимо проходящим, к тем, кто вот-вот отсюда вырвется, напрочь забыв, что не бывает ничего более постоянного, чем временное...

Был март. Холодный грязный март. Полунагой, едва-едва прикрытый чёрным снегом. С раскисшими дорогами и серыми деревьями. Обычный март во всей неприглядной красе. Нет, конечно, если вы живёте в центре, то ваши улицы чисты и март—это когда по крепкой новой брусчатке цокают каблучки юных и не очень модниц, когда вы, спустившись из дома, бежите завтракать в ближайшую кофейню и нежитесь под лучами уже тёплого солнца, ласкающего вас через чистое большое окно. Если вы живёте в центре, то для вас март—это безусловная весна. Для «коммунаров» март—всего лишь март.

В комнате с ничем не примечательным номером, пусть будет триста шестьдесят шесть, в один из обычных мартовских дней приключилось самое настоящее горе. Подавившись солёным огурцом, который употреблён был по назначению, то бишь для закуски горячительного напитка, на семидесятом году жизни скоропостижно скончался глава многочисленного семейства Сан Саныч. Столь нелепая кончина немало озадачила родственников и соседей (поди разбери, кто есть кто) несчастного Сан Саныча.

— Ладно—умер!—усердно вымешивая тесто для пирожков, причитала тётя Маша, сестра Сан Саныча, хмурая краснощёкая женщина с нарисованными бровями.—С кем не бывает... Другое дело, што у нас ничё не готово! Мы ведь почти все деньги потратили Димке на машину.

— Зато катафалк теперь заказывать не придётся,—хихикнул уже несколько пьяный Костик.

Незаметно достав из внутреннего кармана потрёпанной куртки погнутому фляжку, он сделал приличный глоток—нет-нет, не пьянства ради! В память о почившем ведь.

— Тебе бы всё шуточки шутить, дармоед,—ударив смеющегося племянника полотенцем, заявила тётя Маша.—Хоть бы сегодня язык за зубами попридержал, так нет! В доме покойник, а он одно знай из себя шута корчит... Как был непутёвым, так и остался! На што крест заказывать будем?

Ничуть не обидевшийся Константин задумчиво поскрёб колючий подбородок. Ржавые шестерёнки усилено заскрипели в его голове.

— То-то же!—с видом человека, одержавшего безоговорочную победу, сказала тётя Маша и, отряхнув крупные жилистые руки от муки, приступила к нарезанию капусты.—Так что чисть картошку и не эпатируй.

Костик нахально ухмыльнулся. Тётя Маша очень любила глагол «эпатировать». Не вполне понимая его значение, она приправляла им свою речь к месту и не к месту. Чаще всего всё-таки не к месту.

— Крест сколотить—дело нехитрое. Любой дурак сможет.

— Не умничай давай, а то я тебе сейчас так сколочу—потом всю жизнь будешь на сторону смотреть! Вон ведро, вон нож. Чисть, сказала!

— Я те не баба, чтоб кашеварить,—заявил Костя и криво усмехнулся, когда угрюмая физиономия мрачной родственницы вытянулась от удивления. Уже ничуть не стесняясь, он снова достал фляжку и, залпом осушив её, добавил:—Пойду я. У меня делов выше крыши. Адьёс, амигос! Может, ещё вечером забегу.

Серое небо с серыми облаками над серым городом с серыми домами. И звёзд не видно. Лишь спутник яркой точкой сверкает на самом краешке неба. Тусклый огрызок луны виляет меж облаков, то появляясь, то исчезая, вводя тем самым в полнейший ступор уличных псов, не знающих, выть им сегодня или не выть. Люди готовились ко сну. Огни в маленьких запалённых окошках гасли. Солнце скрылось—муравейник закрылся...

Внезапно среди гаражей в серости мартовских сумерек будто в воздухе возник... крест.

Непомерно огромный, качаясь из стороны в сторону, он медленно плыл вперёд. Вышедший покурить на свежем воздухе старик, сбежавший на уличную лавку от своей бабки покумекать не то о раскаде, не то о внутренней политике страны, заметил сие «явление креста» да и выронил скудно тлеющую папиросу изо рта. Тёмный силуэт с крестом на плечах, загадочно петляя и раскачиваясь, медленно продвигался вдоль Коммунальной. Поравнявшись с дедом, силуэт таинственно моргнул красными глазами и изрёк то ли приветствие, то ли проклятие (речь его была столь невнятной, что наверняка утверждать ничего нельзя). Постояв с минуту, крестоносец неспешно поплыл дальше.

Подслеповато щурящийся пенсионер, взбегавив седые волосы, пожал плечами и, перед тем как спешно ретироваться, сердито проворчал: — От дожили. Помереть спокойно не могут! При советской власти такого не было. Плохо прикопали, выдать. Сталина на вас нет!

На улице стал накрапывать мелкий дождик. По местному каналу передавали похолодание.

Пирожки были готовы. Пробы сняты. Тётя Маша, которая следила за тремя кастрюлями и вместе с этим раздавала указания внукам, нарезающим салаты, собиралась приступить к разделыванию цыплёнка, как вдруг в доме отключили электричество. Ну как вдруг? Как обычно отключили. Девочки испуганно пискнули. Началась суматоха.

— Цыц! — прикрикнула тётя Маша и стукнула кулаком по столу так, что все чашки и плоски подпрыгнули едва ли не до потолка. — Трынды-чыхи... Сидите тихо! Я сейчас вернусь.

Найдя на подоконнике свечи, женщина отправилась узнать у соседей да родственников — надолго ли это. Бесшумно проскользнув мимо завешенного зеркала и выйдя в общий коридор, она неуверенно заглянула в комнату напротив. Жёлтый мертвец лежал в гробу с пятаками на глазах. Обычный деревянный гроб, обитый нарядным ядовито-алым бархатом, стоял на двух обычных табуретах. Восковое лицо покойника не выражало ничего... ни спокойствия, ни умиротворения. Оно было никаким. Когда тётя Маша стояла на пороге комнаты Сан Саныча, так же неожиданно, как и погас, зажётся свет. Раздался громкий стук. Что-то громыкнуло на лестнице.

Младшая из внучек отчего-то заплакала, и тётя Маша рванула обратно к себе, но буквально через минуту она снова высунула голову в коридор и оторопела.

У стены одиноко возвышался крест. Рядом никого не было.

Когда на следующее утро на пороге показался заспанный Костик, бледная тётя Маша с синяками под глазами первым делом поспешила сообщить о ночном приключении.

— Дела у него! По роже твоей вижу, какие у тебя дела! Алкаш! Где ты шлялся? Какое! Ух, страх сэпатировали! У нас такое было... такое! Ух, страх один, да и только! Мне ещё моя бабка говорила, а ей её бабка говорила, а её бабке — её...

— А в чём, собственно, проблема? Хороший крест! На совесть сделан. Чего вам не нравится? Я старался! И старался совершенно бесплатно, между прочим. Столько времени на эту бандуру угрохал. А как нёс! Как я его нёс! Эх... Не понимают нынче людей искусства. Опохмелиться бы...